

ПРОНИКНОВЕНИЕ ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЙ В ТЕОРИЮ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

(Случай теории речевых актов Джона Остина
и теории секьюритизации Оле Вевера)

А.А. ДЕКАЛЬЧУК

Введение

Вокруг взаимоотношений философии и науки сложилась определенная мифология, которая, однако, не дает однозначного ответа на вопрос о том, как взаимодействуют философское и научное знание. Одна традиция утверждает, что наука строится на основаниях, заимствованных из философии. В своем пределе такая традиция определяет философское знание как первичное по отношению к любому научному знанию. Другая точка зрения сводится к тому, что философия скорее обобщает и универсализирует то знание, которое получается в рамках научной деятельности.

Когда речь идет о социальных науках, об этом взаимодействии философии и науки, мы зачастую думаем в рамках именно первой традиции — как об одностороннем воздействии философского знания на знание об окружающей нас социальной реальности. Вряд ли кто-то будет оспаривать тот факт, что послевоенная философская мысль Мишеля Фуко, Людвиг Витгенштейна, Джона Остина, Джона Сёрля, Гилберта Райла и др. оказала и продолжает оказывать значительное влияние на развитие социальных и гуманитарных наук¹. Довольно очевидным примером науки, испытавшей и продолжающей испытывать на себе такое воздействие, является европейская социология, где грань между философией и собственно социологией во многом размывается — особенно ясно это «размывание» прослеживается в социологии повседневности и, в частности, в этнометодологии, и, в целом, в теории практик². Другой пример подобного симбиоза можно найти в антропологии, а именно — в интерпретативной антропологии Клиффорда Гирца, который в своей работе «Интерпретация культур» в качестве основного антропологического метода работы с эмпирикой предлагает использовать разработанную Гилбертом Райлом концепцию «насыщенного описания»³.

Подобные примеры можно встретить и в политической науке, но лишь с той оговоркой, что с самого начала становления политологии ее эмпирический уклон предполагал создание собственных политологических теорий вместо более активного заимствования, что несколько отдаляет эмпирическую политическую науку от философии. Тем не менее примеры прямого заимствования философских теорий обнаруживаются, в частности, в такой субдисциплине политологии как теория международных отношений.

С возникновением в теории международных отношений социального конструктивизма Александра Вендта и Николаса Онуфа, а также разнообразных постпозитивистских подходов, обрушивших на доминировавшие в конце 80-х — начале 90-х гг. неореализм, неолиберализм и неомарксизм критику за позитивистскую эпистемологию этих «мейнстримных» теорий⁴, проникновение философии послевоенного периода в эту субдисциплину политологии становится все более активным и откровенным. То, какую роль в развитии, например, критической теории и постструктурализма в теории международных отношений сыграли представители Франкфуртской школы (Макс Хорхаймер, Теодор Адорно, Юрген Хабермас)⁵, Мишель Фуко, Жан-Франсуа Лиотар, Жак Деррида и др.⁶, трудно переоценить.

Тем не менее, чтобы определить механизмы проникновения философии в теорию международных отношений и показать особенности процесса заимствования философских идей политологами-международниками, мы в данной работе в качестве иллюстрации обратимся к довольно конкретной теории международных отношений — а именно к теории секьюритизации Оле Вевера, сформировавшейся на пересечении идей социального конструктивизма и постструктурализма⁷. Выбор нами этой теории в качестве примера объясняется двумя причинами: с одной стороны, тем, что теория секьюритизации сегодня находится на фронтире знаний о происхождении и конструировании безопасности и действительно чрезвычайно влиятельна в современной теории международных отношений, а с другой, тем, что Вейвер не скрывает того факта, что при разработке концепции он черпал вдохновение в работах Джона Остина, одного из ярчайших представителей послевоенной оксфордско-кембриджской философии языка. Заметим также, что немаловажную роль в развитии теории секьюритизации сыграли и постструктуралистские взгляды Жака Дерриды, что, как отмечает сам Вевер, довольно примечательно, учитывая, что Деррида активно критиковал теорию речевых актов Остина и даже имел довольно жесткий интеллектуальный спор с Джоном Сёрлем⁸, развивавшим остиновскую теорию⁹.

Подробнее о том, как именно философия Остина и Дерриды повлияла на формулирование теории секьюритизации, мы расскажем в третьей части этой работы. Сейчас же самое время перейти к анализу основных положений самой теории секьюритизации Оле Вевера.

Теория секьюритизации: Остин, оставленный за скобками

Любой исследователь, желающий познакомиться с теорией секьюритизации, в первую очередь обратится к книге Барри Бузана, Оле Вевера и Яапа де Вилде «Безопасность: новая система анализа» («Security: A New Framework for Analysis») ¹⁰, вышедшей в далеком 1998 г.

и являющейся одной из программных работ главных представителей Копенгагенской школы в теории международных отношений.

Из самого названия теории становится ясно, что она призвана объяснить что-то, относящееся к безопасности – *security*. Довольно логично, начиная теоретическую главу книги вопросом «что такое безопасность?», авторы так определяют это понятие: безопасность – «это когда проблема обозначается как представляющая собой экзистенциальную угрозу указанному референтному объекту», и добавляют, что «произнося слово “безопасность”, представитель государства объявляет чрезвычайное положение, таким образом заявляя право на использование любых средств с целью устранения угрозы»¹¹.

Важной в контексте выбранной нами темы в этом определении является отсылка к факту произнесения слова. Именно она указывает на использование авторами наследия Остина. Непосредственная же ссылка на книгу «Как действовать словом» («How to Do Things with Words») появляется в следующем отрывке, по сути раскрывающем понятие секьюритизации и связывающем секьюритизацию с речевым актом:

«В дискурсе безопасности проблема драматизируется и представляется как вопрос наивысшего приоритета; следовательно, применяя к ней ярлык “безопасность”, агент заявляет необходимость и право разрешать ее при помощи экстраординарных средств. Задача аналитика, пытающегося постичь это действие, состоит не в оценке объективных угроз, “реально” подвергающих опасности объект, требующий защиты, а в том, чтобы понять процессы конструирования разделяемого всеми понимания того, что будет рассматриваться как угроза и на что нужно будет реагировать как на угрозу. Процесс секьюритизации – это то, что в теории языка называется речевым актом. Он интересен не как признак, отсылающий к чему-то более реальному; произнесение (*utterance*) слов само по себе является актом. При произнесении слов что-то делается (например, держат пари, дают обещание, называют корабль и т.д.)»¹²

Таким образом, теория предполагает наличие в системе «референтного объекта, который воспринимается как подвергающийся экзистенциальной угрозе и при этом имеющий легитимное право на защиту»; *секьюритизирующего актора*, который секьюритизирует угрозу, объявляя ее экзистенциальной по отношению к референтному объекту, и *публики*, на которую направлена попытка секьюритизации (*securitizing move*) и которую секьюритизирующий актер пытается убедить согласиться с условиями чрезвычайного положения, необходимого для защиты референтного объекта от экзистенциальной угрозы¹³.

Именно признание публикой действий секьюритизирующего актора и ее согласие с ними превращает попытку секьюритизации в акт успешной секьюритизации¹⁴. И, конечно, такая трактовка успешности

секьюритизации выводит на первый план идею интерсубъективности Жака Дерриды.

Отказывая понятию «безопасность» в возможности объективной оценки наличия объективной, реальной угрозы и говоря о том, что безопасность является «самоотносимой практикой, поскольку именно в процессе этой практики проблема становится проблемой безопасности – и не обязательно по причине наличия реальной экзистенциальной угрозы, но потому, что проблема представляется в качестве таковой»¹⁵, авторы подчеркивают, что именно акторы процесса определяют, что и когда мы называем безопасностью и что понимаем под этим словом, поэтому безопасность, по мнению Вевера, Бузана и де Вилде, является как минимум субъективным феноменом¹⁶. Правда, продолжая эту мысль, авторы тут же исправляют сами себя и указывают на то, что секьюритизация является не просто субъективным, а интерсубъективным и социально конструируемым процессом: «Наделен ли референтный объект легитимностью чего-то, что заслуживает выживания (и, следовательно, защиты. – *А. Д.*) – легитимностью, которая позволяет акторам обращаться к этому объекту, указывать на что-то как на угрозу (этому объекту. – *А. Д.*) и, таким образом, заставлять других соглашаться или хотя бы мириться с теми действиями, которые в противном случае в глазах последних не являлись бы легитимными?»

Интерсубъективность Жака Дерриды в таком случае указывает на необходимость взаимодействия и в некотором смысле переговоров секьюритизирующего актора и публики, поскольку именно публика признает речевой акт, касающийся безопасности, успешным; иными словами, вопросы безопасности не являются изолированными феноменами, они находятся в центре взаимодействия субъектов, т.е. *между* субъектами¹⁷.

Возвращаясь же к идеям Остина, авторы теории секьюритизации след за ним выделяют ряд условий, которые увеличивают вероятность успешной секьюритизации:

- внутренние условия, касающиеся лингвистической и грамматической составляющих речевого акта¹⁸ (простого произнесения слова «безопасность» недостаточно, «необходимо соблюсти... грамматику безопасности и построить фабулу, включающую в себя экзистенциальную угрозу, точку невозврата и возможный выход из сложившейся ситуации»¹⁹);

- внешние социальные условия, касающиеся социального и культурного капитала секьюритизирующего актора (речь в данном случае идет о социальной позиции, занимаемой секьюритизирующим актором: имеет ли он, например, властные полномочия для осуществления дискурса безопасности и, соответственно, обладает ли большим потенциалом для убеждения публики в попытке секьюритизировать угрозу)²⁰;

- внешние условия, касающиеся характеристик предполагаемой угрозы (так, секьюритизировать северокорейские ракетные установки, приведенные в полную боеготовность, значительно проще, нежели какую-либо другую угрозу, поскольку ракетные установки, в принципе, обладают характеристикой угрозы, а уж приведенные в полную боеготовность — тем более)²¹.

Обозначая комплекс как внутренних, так и внешних условий, облегчающих процесс секьюритизации, Вевер, Бузан и де Вилде отсылают к идеям Пьера Бурдьё, который, критикуя некоторых философов обыденного языка, сводивших успешность речевого акта к исключительно лингвистическим чертам этого акта, указывает и на необходимость наличия у производящего речевой акт культурного капитала. Под культурным капиталом Бурдьё понимает не только формальную властную позицию, в которой находится говорящий (о ней пишет и сам Остин²²: вы не можете принести присягу Президента Российской Федерации, положив руку на Конституцию РФ и произнеся текст присяги, если до этого вы не были избраны на этот пост на выборах президента — такое произнесение присяги не будет обладать перформативной силой), но и социальную позицию актора, понимаемую в значительно более широком смысле²³.

Таковы основные идеи теории секьюритизации, описанные ее разработчиками в книге, сам заголовок которой обещает обогатить научное знание новой теоретической рамкой для объяснения природы понятия «безопасность». Примечательно в этой связи то, что даже исключительно формальный показатель — количество сносок на работы Джона Остина, очевидно, являвшиеся источником вдохновения для авторов теории секьюритизации — крайне скромны (всего четыре сноски на теоретическую главу в 27 страниц). Содержательная же составляющая этих отсылок также представляется довольно поверхностной — нигде в главе авторы не обращаются к идеям Остина о трех составляющих речевого акта — локутивном, иллокутивном и перлокутивном акте²⁴, и лишь в одном месте они говорят о перформативной силе речевых актов²⁵.

Такое удивительное обстоятельство заставляет нас в поисках более развернутого объяснения теоретико-философских оснований теории секьюритизации обратиться к ранним работам авторов книги «Безопасность: новая система анализа». Однако еще более удивительным оказывается тот факт, что эти основания разъясняются лишь в одной рукописи Оле Вевера «Безопасность, речевой акт: анализ политики слова» («Security, the Speech Act: Analysing the Politics of a Word») 1989 г., так никогда целиком и не опубликованной²⁶. Именно ее анализу будет посвящена третья глава данной работы.

Остин в прочтении Оле Вевера: истоки теории секьюритизации

Тот факт, что теоретико-философские основания теории секьюритизации подробно разъясняются лишь в одной рукописи Оле Вевера 1989 г., с одной стороны, означает, что основные положения теории секьюритизации были разработаны Вевером в одиночку²⁷, с другой — что по каким-то причинам и сам Вевер в 1995 г., и его соавторы в 1998 г. при описании теории решили практически полностью опустить отсылки как к философии языка Джона Остина, так и к постструктуралистским идеям Жака Дерриды²⁸.

Несмотря на такой «уход от корней» в более поздних работах, в рукописи 1989 г. Вевер довольно охотно обращается к идеям и словарю Джона Остина. (Так, например, определяя в начале работы безопасность как речевой акт, в сноске Вевер указывает, что использует терминологию несколько небрежно, поскольку речь в данном случае идет не просто о речевом акте, но об иллокутивном акте, и обещает остановиться на этом подробнее в соответствующем разделе работы²⁹.)

На чем же, сдерживая данное в сноске обещание, останавливается автор теории секьюритизации в соответствующем разделе? Во-первых, Вевер отсылает нас к знаменитому разделению Остином предложений на констативы и перформативы (только последние Остин изначально считал речевыми актами), указывая, однако, что позже в процессе чтения лекций британский философ отказался от такого деления и предложил новое (признав, что все утверждения, а не только перформативы, являются речевыми актами) — на локутивные, иллокутивные и перлокутивные акты³⁰. Далее Вевер дает определение каждому из этих актов. По его собственным словам, выходит, что именно иллокутивные акты являются «чистым проявлением речевого акта» и что иллокуция, с одной стороны, не зависит от реакции слушателя (в отличие от перлокутивного акта), а с другой, немыслима без наличия определенных благоприятствующих иллокуции условий (*fecility conditions*). В качестве примера таковых он приводит ситуацию с церемонией, в рамках которой кораблю дается имя, подчеркивая, что «называние» корабля произойдет (т.е. посредством произнесения слов будет совершено действие «называния корабля») тогда, когда произносимый слова будет обладать формальным правом дать кораблю имя³¹.

И здесь мы видим некоторое противоречие в прочтении Оле Вевером теории речевых актов Остина. В чем оно состоит? Грубо говоря, Вевер, давая определение остиновскому иллокутивному акту, на самом деле определяет остиновские перформативы. Ведь именно говоря о перформативном акте как о произнесении фраз, при помощи которых мы не просто говорим что-то, а совершаем какое-то действие — называем корабль или держим пари, Остин выделяет благоприятству-

ющие перформативу условия — среди которых и формальное право произносящего совершить посредством говорения какое-то действие³². Иллокуцию же Остин определяет так: говоря что-то (*in saying*), мы что-то делаем, например, «сообщаем, приказываем, предупреждаем, предпринимаем», то есть речь идет о произнесении слов, имеющем определенную конвенциональную силу³³. Отличие же от перформатива состоит в том, что в качестве действия, производимого в процессе иллокуции, может выступать и простое информирование — то, что Остин, используя деление на перформативы и констативы, отнес бы именно к констативам³⁴. Иными словами, приравнивание Вевером иллокутивных актов к перформативным неверно по сути.

Выбрав иллокуцию (и, судя по всему, понимая ее как перформатив) в качестве фокуса своего анализа, Вевер далее определяет то, как будут выглядеть иллокутивные акты о безопасности. Иллокуцией в процессе попытки секьюритизации, по мнению датского ученого, является запугивание и в какой-то степени обещание устранить угрозу. Вевер замечает, что главное здесь — именно совершить эти действия запугивания и обещания, вне зависимости от того, удастся ли потом секьюритизирующему актору действительно устранить угрозу³⁵.

Любопытно то, что сравнивая далее иллокуцию с перлокуцией Вевер указывает, что последняя завязана на результате³⁶, и в этом смысле он повторяет определение перлокуции Остина — «то, чего мы добились, говоря что-то (*by saying*), например, убедили, склонили к чему-то, испугали или же ввели в заблуждение»³⁷. Иными словами, для осуществления перлокутивного акта нам нужна публика, ведь именно на ее мысли, чувства и поведение мы можем в процессе говорения оказывать воздействие³⁸.

Таким образом, проецируя перлокуцию на процесс попытки секьюритизации (то, чего сам Вевер не делает), мы могли бы предположить, что, говоря об экзистенциальных угрозах, точках невозврата и т.д., мы добились того, что публика испугалась и поверила в наше обещание устранить угрозу. Но разве не это условие — ответная реакция публики на действия секьюритизирующего актора и признание публикой успешности речевого акта — является, по Веверу, условием успешной секьюритизации?³⁹ Почему же тогда датский ученый выбирает для определения секьюритизации именно иллокутивный акт, а чтобы показать эту важную взаимосвязь между секьюритизирующим актором и публикой, обращается к идее интересубъективности Жака Дерриды, вместо того, чтобы просто определить секьюритизацию через перлокутивный акт?

На этот вопрос существует как минимум два ответа, предлагаемых критиками теории секьюритизации. Один из них — довольно радикальный — сводится к тому, что Оле Вевер попросту ошибся и выбрал

из трех предложенных Остином вариантов не тот акт (иллокуцию вместо перлокуции)⁴⁰. Другое объяснение состоит в том, что «интерсубъективный характер секьюритизации второстепенен по отношению к роли секьюритизирующего актора»⁴¹. Иными словами, предлагающая такой ответ Рита Таурек указывает на то, что в зависимости от ресурсов, имеющихся в распоряжении сильного секьюритизирующего актора, попытка секьюритизации может превратиться в акт успешной секьюритизации практически в одностороннем порядке, похожем на молчаливое согласие широкой публики⁴². С другой стороны, она отмечает, что и понятие публики в процессе секьюритизации не совсем ясно и что, скорее всего, секьюритизирующий актер убеждает не какую-то абстрактную публику (типа всех граждан государства), а элиту, которая по сути одновременно является и публикой, и частью некоего монолитного секьюритизирующего актора⁴³.

Как первый, так и второй ответы представляются нам неудовлетворительными хотя бы потому, что трудно представить себе ситуацию, в которой ученый, предлагающий новую теорию на основании другой теории, настолько плохо в ней разбирается, что ошибается в выборе между двумя ее центральными понятиями. Второй же ответ кажется некорректным просто в силу того, что он вступает в прямое противоречие с положениями самой теории секьюритизации, а именно с ее упором на интерсубъективность секьюритизации и на обязательность положительной реакции публики на попытку секьюритизации со стороны секьюритизирующего актора.

Именно поэтому здесь мы предлагаем собственное объяснение причин, по которым Оле Вевер, определяя секьюритизацию, обращается именно к иллокутивному, а не к перлокутивному акту. По своей логике это объяснение ближе к ответу, который дает Тьерри Бальзак, однако, по содержанию оно не столь радикально.

Вернемся к тому, что Вевер по большому счету приравнивает иллокутивный акт к перформативу, что, как уже было доказано, идет вразрез с теорией речевых актов Остина. Именно эта синонимизация иллокуции и перформатива, в конечном счете, заставляет Вевера вслед за Жаком Дерридой утверждать, что речевой акт может не сработать (*fail*) — срабатывание же зависит от реакции публики⁴⁴. Проблема, однако, состоит в том, что Остин не допускает такого несрабатывания-провала, поскольку любой акт говорения (и локуция, и иллокуция, и перлокуция) является речевым актом по определению (как уже было сказано, это и есть отличие первоначального деления говорения на констативы, не являющиеся речевыми актами, и перформативы, являющиеся таковыми, от последующего выделения локутивных, иллокутивных и перлокутивных актов). Таким образом, иллокуция, к которой апеллирует Вевер, говоря о секьюритизации, в принципе не может не сработать: по-

средством локуции («произнесения определенного предложения с определенным смыслом и референцией») мы всегда совершаем и иллокуцию, поскольку произнося это определенное предложение (*in saying*), мы что-то делаем (информируем, предупреждаем, пугаем или обещаем)⁴⁵.

Тот факт, что Вевер не обращает внимания на такое «наслоение» иллокуции на локуцию, и, как следствие, говорит о возможности несрабатывания речевого акта, выявляет еще одно противоречие в прочтении Вевером теории речевых актов Остина — Вевер смотрит на три составляющих речевого акта (локуцию, иллокуцию и перлокуцию) как на несвязанные между собой и независимые⁴⁶. На самом же деле, все три составляющие осуществляются одновременно, но лишь с одной оговоркой: производя локуцию, мы также (естественным образом) производим иллокуцию и можем (*may*) произвести перлокуцию⁴⁷. Наличие этого *may* в отношении перлокуции означает, что речевой акт может оказаться, выражаясь образно, либо «двухслойным» (локуция-иллокуция), либо «трехслойным» (локуция-иллокуция-перлокуция). Очень ясный пример того, как это работает на практике в своей статье приводит Йен Румфитт: «Я могу предупредить тебя, что на определенном поле есть бык, произнеся слова “На этом поле есть бык” с определенным смыслом и референцией (локутивный акт. — А. Д.). И, предупреждая тебя (иллокутивный акт. — А. Д.), я могу удержать тебя от того, чтобы идти на это поле (перлокутивный акт. — А. Д.)»⁴⁸.

Таким образом, получается, что Вевер в целом прав, указывая на то, что произнесение слов «безопасность», «экзистенциальная угроза» и пр., т.е. попытка секьюритизации (*securitizing move*), является именно иллокутивным актом в классификации Джона Остина. И в этом смысле, конечно, ошибку допускает скорее сам Тьерри Балзак, когда говорит об ошибочности выбора иллокуции — если бы Вевер выбрал перлокуцию, то он автоматически отсеял бы все попытки секьюритизации, оставив в фокусе внимания только акты успешной секьюритизации (что, на наш взгляд, обрушило бы на теорию секьюритизации лавину критики за встроенный в нее *selection bias*).

Странно лишь то, что вместо того, чтобы вслед за Остином сделать следующий, довольно естественный шаг и сказать, что попытка секьюритизации становится актом успешной секьюритизации, когда акт является не только иллокутивным, но и перлокутивным (т.е. когда речевой акт обретает «третий слой», который, по Остину, он всегда *может* обрести), Вевер взамен вводит в теорию идею интересубъективности Жака Дерриды, которая, по большому счету, в рамках теории секьюритизации является синонимичной идее перлокуции Джона Остина.

Заключение

Таким образом, на примере теории секьюритизации Оле Вевера и теории речевых актов Джона Остина в данной работе мы не только проследили механику того, каким образом при разработке собственных теорий политологи-международники заимствуют философские концепции, но и показали, как при таких заимствованиях происходит искажение положений приспособляемых философских концепций. Выявив ряд нестыковок в использовании Вевером теории речевых актов Джона Остина, мы предложили собственное объяснение столь творческому прочтению выдвинутой британским философом теории. Здесь уместно заметить, что в пользу данного нами объяснения говорит и тот факт, что датский ученый выбрал именно концепцию Остина и в процессе разработки собственной теории не обращался к работам Джона Сёрля, доработавшего и конкретизировавшего довольно нечеткую и в этой связи удобную для трактовки теорию Остина.

Так или иначе, ни эксплицитно заявленного, довольно творческого, а порой и противоречивого использования Вевером философских идей Джона Остина, ни подробной аргументации обращения датского ученого к идее интерсубъективности Жака Дерриды мы не встретим ни в работе Вевера 1995 г., призванной разъяснить его теорию секьюритизации и концепцию десекуритизации⁴⁹, ни в программной книге «Безопасность: новая система анализа» главных идеологов Копенгагенской школы⁵⁰.

Кажется, что представляя научному сообществу свою теорию секьюритизации, в публикациях Оле Вевер следует за логикой Людвиг Витгенштейна, оставляя Остина за скобками и, таким образом, отбрасывая лестницу, «после того, как он вскарабкался по ней»⁵¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Каплун В. Зачем философия. – СПб.: Алетейя, 2012. С. 134, 156 – 159, 177; Волков В., Хархордин О. Теория практик. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2008. С. 7 – 45.

² Волков В. Следование правилу как социологическая проблема // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 13 – 14; Волков В. О концепции практик в социальных науках // Социологические исследования. 1997. № 6. С. 11; Каплун В. Зачем философия. С. 158 – 159; подробнее см.: Волков В., Хархордин О. Теория практик.

³ Гириц К. Интерпретация культур. – М.: РОСПЭН, 2004. С. 12 – 37; Каплун В. Зачем философия. С. 177 – 178.

⁴ Schmidt B.C. On the History and Historiography of International Relations // W. Carlsnaes, Th. Risse, B.A. Simmons (eds.). Handbook of International Relations. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 15.

⁵ См.: Hobden S., Wyn Jones R. Marxist Theories of International Relations // The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations / ed. by J. Baylis, S. Smith, P. Owens. – Oxford University Press, 2011. P. 141 – 142.

⁶ См.: Smith S., Owens P. Alternative Approaches to International Theory // The Globalization Of World Politics: An Introduction to International Relations / ed. by

J. Baylis, S. Smith, P. Owens. – Oxford University Press, 2008. P. 185 – 187; подробнее см.: *Hansen L.* Poststructuralism // *The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations* / ed. by J. Baylis, S. Smith, P. Owens. – Oxford University Press, 2011. P. 166 – 180.

⁷ См.: *Taureck R.* Securitisation Theory – The Story so far: Theoretical Inheritance and What It Means to Be a Post-structural Realist // 4th Annual CEEISA Convention. – Tartu: University of Tartu, 2006. P. 5.

⁸ См.: *Wæver O.* Security, the Speech Act: Analysing the Politics of a Word. – Centre for Peace and Conflict Research, 1989. P. 41 – 46.

⁹ См., например: *Dörge F.C.* Illocutionary Acts: Austin's Account and What Searle Made Out of It // *Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie.* – Tübingen: Eberhard-Karls-Universität, 2004; *Медведев В.* Философия языка: очерки истории. – СПб.: ПХГА, 2012. С. 192 – 194.

¹⁰ См.: *Buzan B., Wæver O., Wilde J.D.* Security: A New Framework for Analysis. – Lynne Rienner Publishers, 1998.

¹¹ Ibid. P. 21; см. также: *Wæver O.* Security, the Speech Act. P. 5.

¹² *Buzan B., Wæver O., Wilde J.D.* Security. P. 26.

¹³ Ibid. P. 36, 40 – 41.

¹⁴ Ibid. P. 25 – 26, 39, 41.

¹⁵ Ibid. P. 24.

¹⁶ Ibid. P. 29 – 31.

¹⁷ Ibid. P. 26, 31.

¹⁸ Подробнее см.: *Austin J.L.* How to Do Things with Words. – Harvard University Press, 1975. P. 15, 26.

¹⁹ *Buzan B., Wæver O., Wilde J. D.* Security. P. 27, 33.

²⁰ Ibid. P. 32 – 33, 46 – 47; подробнее см.: *Austin J.L.* How to Do Things With Words. P. 34.

²¹ *Buzan B., Wæver O., Wilde J.D.* Security. P. 32 – 33.

²² *Austin J.L.* How to Do Things With Words. P. 34.

²³ Подробнее см. комментариев 5 в: *Buzan B., Wæver O., Wilde J.D.* Security. P. 46 – 47; *Bourdieu P.* Language and Symbolic Power: The Economy of Linguistic Exchanges. – Harvard University Press, 1991.

²⁴ *Austin J.L.* How to Do Things With Words. P. 108 – 109.

²⁵ *Buzan B., Wæver O., Wilde J.D.* Security. P. 46.

²⁶ Следует, однако, отметить, что частично рукопись была опубликована в *Wæver O.* Securitization and Desecuritization // *On Security* / ed. by R.D. Lipschutz. – Columbia University Press, 1995. P. 46 – 86.

²⁷ *Taureck R.* Securitisation Theory. P. 4.

²⁸ Подробнее см.: *Wæver O.* Securitization and Desecuritization; *Buzan B., Wæver O., Wilde J.D.* Security. P. 21 – 47.

²⁹ *Wæver O.* Security, the Speech Act. P. 5 – 6.

³⁰ Ibid. P. 42.

³¹ Ibid.

³² *Austin J.L.* How to Do Things with Words. P. 5 – 9.

³³ Ibid. P. 108.

³⁴ Ibid. P. 109 – 110; см. также: *Медведев В.* Философия языка. С. 191.

³⁵ *Wæver O.* Security, the Speech Act. P. 42 – 43.

³⁶ Ibid. P. 42.

- ³⁷ Austin J.L. How to Do Things with Words. P. 108.
- ³⁸ См.: Медведев В. Философия языка. С. 191.
- ³⁹ Buzan B., Wæver O., Wilde J.D. Security. P. 31.
- ⁴⁰ См.: Balzacq T. The Three Faces of Securitization: Political Agency, Audience and Context // European Journal of International Relations. 2005. Vol. 11. № 2. P. 175.
- ⁴¹ Taureck R. Securitisation Theory. P. 21.
- ⁴² Ibid. P. 19 – 20.
- ⁴³ Ibid. P. 20.
- ⁴⁴ См.: Wæver O. Security, the Speech Act. P. 45.
- ⁴⁵ См.: Austin J.L. How to Do Things with Words. P. 108.
- ⁴⁶ Вевер пишет: «У них [речевых актов. – А. Д.] есть три независимых измерения» (подробнее см.: Wæver O. Security, the Speech Act. P. 42).
- ⁴⁷ См.: Austin J.L. How to Do Things With Words. P. 108.
- ⁴⁸ Rumfitt I. Meaning and Understanding // The Oxford Handbook of Contemporary Philosophy / ed. by F. Jackson, M. Smith. – Oxford University Press, 2007. P. 433 – 434.
- ⁴⁹ См.: Wæver O. Securitization and Desecuritization.
- ⁵⁰ См.: Buzan B., Wæver O., Wilde J.D. Security.
- ⁵¹ Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. – М., 1994. С. 73.

Аннотация

В статье анализируется то, какое влияние послевоенная философская мысль оказала на социальные науки и, в особенности, на политическую науку и теорию международных отношений. Выбрав в качестве фокуса своего анализа теорию секьюритизации Оле Вевера, мы на этом примере не только демонстрируем, как современные политологи-международники, создавая собственные теории, заимствуют посылки философских концепций (в данном случае речь идет о теории речевых актов Джона Остина), но и предлагаем объяснение того, почему при таком заимствовании возникают неточности в трактовке Вевером концепции речевых актов Остина.

Ключевые слова: теория речевых актов, Джон Остин, теория секьюритизации, Оле Вевер.

Summary

The paper explores the way the postwar philosophy has influenced the development of social sciences (in particular, political science and international relations theory). By example of Ole Wæver's securitization theory we do not only show how contemporary political scientists borrow from philosophy (in our case we look at J.L. Austin's speech act theory), but also explain why such adoption results in inexactitudes in Wæver's interpretation of Austin's speech act theory.

Keywords: speech act theory, J.L. Austin, securitization theory, Ole Wæver.